

Письмо, похожее на обезьяну и сатира: эпистолярный этикет в письмах Иоанна Апокавка*

Д. А. ЧЕРНОГЛАЗОВ

Аннотация: Иоанн Апокавок (ок. 1155–1233) – церковно-политический деятель, гуманист и выдающийся литератор. Обширное собрание писем Апокавка – бесценный исторический источник и литературный памятник. В настоящей статье письма Иоанна Апокавка рассматриваются в контексте эпистолярного жанра и его канонов: исследуется, как Иоанн обращается с традиционными мотивами византийского эпистолярного этикета. Анализируются послания, написанные в трех распространенных ситуациях – получение письма, отправление и получение даров. Выявляется родство Апокавка с эпистолярной традицией XI–XII вв., указываются параллели с письмами Михаила Пселла, Феофилакта Охридского, Михаила Хониата и др. Демонстрируется, что Апокавок использует широкий спектр этикетных мотивов и клише, но многие его письма оригинальны: иногда эпистолограф по-новому трактует традиционные мотивы и оживляет стершиеся клише, а иногда и вовсе отступает от сложившихся правил. Традиционные формулы становятся поводом для литературной игры и дружеского юмора: для Апокавка характерны ирония и гротеск, связанный с употреблением цитат из античной литературы и Библии в сниженно-бытовом контексте.

Ключевые слова: византийская эпистолография, эпистолярный этикет, Иоанн Апокавок, Михаил Хониат, ирония, гротеск, цитаты

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 23-18-00251 (Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук), <https://rscf.ru/project/23-18-00251/>.

Dmitrii A. Chernoglazov

A Letter like a Monkey and a Satyr: Epistolary Etiquette in the Letters of John Apokaukos

Abstract: John Apokaukos (c. 1155–1233) was an outstanding church and political figure, humanist and writer. The large collection of Apokaukos' letters is an invaluable historical source and literary monument. In this paper, the letters of John Apokaukos are considered in the context of the letter genre and its canons: it is explored how John handles the traditional motifs of Byzantine epistolary etiquette. The messages written in three common situations are analyzed. These situations are receiving a letter, sending gifts and receiving gifts. Apokaukos' closeness to the epistolary tradition of the 11th–12th centuries is revealed, parallels are pointed out with the letters of Michael Psellos, Theophylaktos of Ohrid, Michael Choniates and others. It is demonstrated that Apokaukos uses a wide range of etiquette motifs, but many of his letters are original: sometimes he interprets traditional motifs in a new way and revives obsolete clichés, and sometimes completely deviates from the established rules. Traditional formulae become a reason for a literary game and friendly humor: Apokaukos often resorts to irony and grotesque, associated with the use of quotations from ancient literature and the Bible in a humble context of everyday life.

Key words: Byzantine letter-writing, epistolary etiquette, John Apokaukos, Michael Choniates, irony, grotesque, quotations

For citation: Черноглазов Д. А. Письмо, похожее на обезьяну и сатира: эпистолярный этикет в письмах Иоанна Апокавка // Graphosphera. 2023. Т. 3. № 2. С. 194–217. URL: <http://writing.igh.ru/index.php?id=2023-3-2-194-217>

DOI: 10.32608/2782-5272-2023-3-2-194-217

© Д. А. Черноглазов, 2023.

Иоанн Апокавк, митрополит Навпакта (ок. 1155–1233), – одна из ключевых фигур в истории Эпира начала XIII в., церковный деятель, литератор и гуманист (о жизни и творчестве Иоанна Апокавка, см.: Wellnhofer 1913; Λαμπρόπουλος 1988). Сохранился большой корпус сочинений Апокавка, включающий письма, канонические постановления и эпиграммы. Эти сочинения бесценны и как церковно-политические документы, и как литературные тексты. Между тем, наследие митрополита изучено пока мало: монография К. Лампропулоса лишь вкратце характеризует жизнь и творчество византийского автора – анализ большинства его посланий сводится к датировке и краткому пересказу содержания. Очевидно, что комплексное исследование жизни и творчества Иоанна Апокавка – важная задача византиноведения.

Какой бы целью мы ни задавались, изучая труды Апокавка, – реконструировать его философские взгляды, прояснить этическую позицию, охарактеризовать отношения с современниками или проследить цепь событий в истории Эпирского царства, – одним из важных аспек-

тов послужит филологический анализ произведений митрополита. Большая часть трудов Иоанна, в первую очередь письма, относятся к художественной литературе, и их цель – «не просто выразить идею с помощью значимых, оформленных предложений, но и украсить ее не обязательными для передачи понятий “формами”, которые не формулируются... в словах» (Каждан 2002. С. 19). Залог правильной интерпретации этих текстов – понимание их художественной специфики, жанровой природы, углубление в литературную традицию, в которой они были созданы. Сугубо филологическое исследование трудов Апокавка почти не проводилось: мы можем упомянуть лишь статью П. Магдалино, в которой анализируется подход Апокавка к изображению реалий повседневной жизни (Magdalino 1987), и наше исследование, где мы попытались охарактеризовать образ автора в письмах Иоанна (Черноглазов 2020). В рамках настоящей статьи мы продолжим филологическое исследование сочинений Навпактского митрополита: письма Иоанна Апокавка будут рассмотрены в контексте эпистолярного жанра и его канонов. Мы попытаемся выяснить, как Иоанн обращается с традиционными мотивами византийского эпистолярного этикета.

Хорошо известно, что начиная с ранневизантийской эпохи в греческой эпистолографии существовала система негласных правил и норм. Для каждой распространенной ситуации – начало переписки, получение письма, молчание друга, рекомендация протеже, утешение в горе и т. д. – был предусмотрен набор этикетных мотивов и формул, в основном восходивших к авторитетным эпистолографам IV–V вв., Василию Великому, Синесию Киренскому, Иоанну Златоусту и др. (о византийском эпистолярном этикете см.: Karlsson 1962; Hunger 1978. S. 214–233). Эти мотивы и клише были, в той или иной мере, известны всем, кто писал письма, от безвестных людей, чья переписка сохранилась на египетских папирусах, до ученых Михаил Пселла или Димитрия Кидониса. Однако обращение с этими мотивами могло быть весьма разнообразным. Можно было, как монах Иаков, попросту скопировать большой фрагмент письма Василия Великого, лишь немного сократив его (Jeffreys 2009. Ep. 14. 80–86; Courtonne 1957–1966. Ep. 63. 6–19). Можно было, как Симеон Логофет, передать традиционное общее место своими словами и расширить его за счет новых сравнений или эпитетов (Darrouzès 1960. II. Ep. 89. 13–17; Courtonne 1957–1966. Ep. 57. 6–19). Можно было, как Максим Исповедник, переосмыслить традиционный мотив, исходя из своих философских взглядов (Черноглазов 2022). Наконец, можно было, как Михаил Италик, довести этот мотив до гротеска и пародии. Так, развивая традиционную тему «мистического» единства друзей, Италик настаивает, что он и его адресат, Феодор Продром, аб-

солютно тождественны между собой, и один настолько глубоко ощущает себя другим, что чувствует вкус куропаток и фазанов, которыми угощается его адресат (Gautier 1972. 62. 16–63. 3). То, насколько вольно автор обращается с церемониальными правилами, зависело как от меры его образованности и литературного вкуса, так и от адресата и, шире, той интеллектуальной среды, на которую было рассчитано его послание. Поймут ли его изящную шутку или завуалированную литературную аллюзию?

В рамках настоящей статьи мы не смогли бы рассмотреть и проанализировать все этикетные мотивы, встречающиеся в письмах Иоанна Апокавка. Мы остановимся лишь на трех эпистолярных ситуациях. Это, во-первых, получение письма, как правило, означавшее его похвалу (*laus epistulae acceptae*, сокр. LEA); во-вторых, отправление подарка и, в-третьих, получение подарка. Мы рассмотрим письма Апокавка, написанные в этих ситуациях¹, обратим внимание на то, какие этикетные мотивы он использует, проанализируем, в какую форму он их облекает, и попытаемся выяснить, какие авторы в наибольшей степени повлияли на его эпистолярный стиль.

Получение письма

В письмах Иоанна Апокавка мы, конечно, находим множество упоминаний о получении писем, но мы сконцентрируемся лишь на тех случаях, когда пришедшее послание становится предметом отдельной характеристики, от этикетной похвалы до неприкрытой критики, хоть и содержащей отдельные мотивы LEA. Среди отправителей этих посланий – Мария Дукена, супруга правителя Эпира Феодора Комнина Дуки (IA. Ep. 70), Никифор Горианит, месадзон Феодора Комнина Дуки (Pétridès 1909. Ep. 10), логариаст Иоанн Костомир-Месопотамит (IA. Ep. 36), Мануил, патриарх Константинопольский (Васильевский 1896. Ep. 15), Докиан, митрополит Диррахия (Pétridès 1909. Ep. 27), Димитрий, епископ Бутротский (начало издано в: Βέη-Σεφερλή 1971–1974. P. 227–228; конец издан в: IA. Ep. 87), Николай, епископ Вонитцы (IA. Ep. 73a) и неизвестный монах (IA. Ep. 76). Какими же способами Апокавк выражает свои чувства по поводу полученного письма?

Как известно, чаще всего LEA была тесно связана с темой дружбы – письмо восхищалось тем, что оно содержит «образ души» друга и создает «иллюзию его присутствия» (Karlsson 1962. P. 79–111; Черноглазов 2010). Следует признать, что в письмах Апокавка этот топос почти не представлен. Его «эхо» звучит лишь в письме к Докиану, митрополиту

¹ Вторая и третья ситуации (отправление и получение даров) будут рассмотрены вместе, т. к. для них характерны одни и те же этикетные мотивы.

Диррахия: «Пришло твое письмо – хорошо, что твое, еще лучше, что от друга, а лучше всего, что [оно начертано] твоей освящающей и священной рукой» (Pétridès 1909. Ep. 27. 2–3). С темой дружбы связана и реакция на письмо патриарха Мануила, тоже краткая: Апокавк воспринял письмо «с подобающим почтением», особенно потому, что, «как показало письмо, твоя святость не забыла о дружеском долге по отношению к нашей ничтожности» (Васильевский 1896. С. 265. 1–5). В тех случаях, когда Иоанн реагирует на полученное письмо более пространно, он использует другие, тоже хорошо разработанные приемы, один из которых – отклонение похвалы.

Получив письмо со щедрыми похвалами в свой адрес, византийские авторы, как правило, решительно отвергали эти энкомии. Чаще всего подчеркивалось, что незаслуженные дифирамбы не приносят радости, что любовь заставляет приписывать друзьям те достоинства, которых у них вовсе нет (Azéma 1955. Ep. 31. 1–5; Garzya, Loenertz 1963. Ep. 117; Fatouros 1992. Ep. 340. 2–8; Karpozilos 1990. Ep. 28. 16–40; Leone 1972. P. 22. 11–21). На преувеличенные похвалы эпистолографы отвечали столь же преувеличенным самоуничижением: Михаил Пселл назвал себя немудрым, неученым, ничтожным и червем пред людьми (Papaioannou 2019. Ep. 250. 14–15), а Михаил Хониат – сгнившим мертвецом, каких, «по словам Демокрита², следует выбрасывать скорее, чем навоз» (Kolovou 2001. Ep. 170. 2–8).

Этим же канонам следует и Иоанн Апокавк. Так, в письме к неизвестному монаху он, как и его предшественники, связывает чрезмерные похвалы с дружеским расположением адресата. «Мы не таковы, – пишет он, – какими ты нас описываешь, но, движимый братской любовью, ты пишешь о нас то, что пишешь. Ведь мы, считая себя одним из многих, ни прежде, ни теперь не возомнили о себе ничего большего» (IA. 76. 1–5). В послании к Марии Дукене Иоанн многословнее, но все так же остается в рамках традиции (IA. Ep. 70. 6–15):

«Похвалами ты отяготила меня, ибо я не сознаю за собой ничего хорошего, ни духовного, ни телесного, ни божественного, ни человеческого – ибо иначе мое здоровье было бы крепче, и я наслаждался бы радостью мирской жизни. Но, будучи скверен душой, нечист телом, невоздержан языком, несправедлив рукою..., я по справедливости гневлю Бога, и как наказание получаю [недуги], наносящие вред телу. Итак, если ты укрепишь меня своими молитвами... я займусь более достойными делами, стану почитать Бога и тогда явлю твои похвалы истинными».

² На самом деле, это изречение принадлежит Гераклиту (frgm. 96).

В письме можно найти несколько этикетных мотивов: как и многие другие авторы, Апокавк заявляет, что похвалы ему были в тягость; фраза *οὐδὲν ἀγαθὸν ἐμαυτῷ συνεπίσταμαι* («я не сознаю за собой ничего хорошего») дословно повторяет слова из письма Феодора Студита, сказанные в той же ситуации: *Γέγραφάς μοι τοῦτο κάκεινο πολλοῖς λόγοις ἐπαινῶν με, ἀλλ' ἐγὼ οὐδὲν ἐμαυτῷ συνεπίσταμαι ἀγαθὸν ἔχων* («Ты написал мне и то, и это, обильными словами восхваляя меня, но я сознаю, что во мне нет ничего хорошего» – Fatouros 1992. 328. 2–3; 334. 7). Призыв молиться вместо того, чтобы восхвалять, тоже можно найти в письмах Феодора Студита и Михаила Хониата (Ibid. Ep. 340. 5–8; 389. 4–5; Kolovou 2001. Ep. 170. 27–29).

Если в двух приведенных примерах Апокавк следует канону, то в письме к Димитрию, епископу Бутротскому, он его явно нарушает. Иоанн высмеивает двусмысленное послание Димитрия, в котором тот то ли приглашал митрополита прибыть к нему, то ли отговаривал его от путешествия, ссылаясь на опасности морского путешествия. В письме Иоанна есть и такой пассаж: «Если ты и видишь в нас солнце, этими словами (т. е. описанием опасностей, ожидающих Иоанна. – Д. Ч.) ты смежил свои очи, чтобы не видеть нашего сияния. В настоящее время нас затянуло облаками болезней и скорбей, которые навлекает на нас эта страждущая и обременяющая плоть» (Βέη-Σεφερλή 1971–1974. P. 228. 31–34). Видимо, Димитрий сравнил Иоанна с солнцем, а тот не стал отклонять его комплимент, – как это сделал, например, Михаил Хониат, которого сам Апокавк в письме уподобил солнцу (Kolovou 2001. Ep. 166), – а использовал этот образ, чтобы вновь укорить адресата в противоречии самому себе.

Помимо отклонения похвалы, Иоанн использует еще один, тоже хорошо известный прием: оценивается не образ друга в письме, не дружеское расположение, которое в нем запечатлелось, а само письмо – его содержание, стиль и язык. Прием используется в письмах многих византийских авторов, но особенно распространяется в XI–XII вв. (Черноглазов 2008). Характеристика письма могла быть либо краткой и абстрактной – письмо называлось «сладостным», «медовым», в нем звучало «пение сирен» – либо пространной и подробной. В этом случае оценка, как правило, включала два основных компонента: «мысли», «умозаключения» (*ἐννοιαί, νοήματα, ἐνθυμήματα*) и «слова» (*λέξεις, ὀνόματα*). Так, отзываясь о полученном послании, Михаил Хониат писал: «[Нас] чарует стройность мыслей и красота слов, завораживает гармония обоих [качеств]» (Kolovou 2001. 118. 3–5). Все письма Апокавка, где он использует этот прием, обладают заметной оригинальностью.

Отрывок из письма Николаю, епископу Вонитцы (IA. Ep. 73a), открывается признанием, что старость, болезни и несчастья автора ослабили его ум и язык, и потому он не решается писать адресату, «твердому в слове». Об этой «твердости» свидетельствует и письмо, полученное от адресата (Ibid. 4–9):

«Вот и письмецо (ἐπιστολιμαῖον πτυγμάτιον³) твоей учености заставило нас потрудиться для того, чтобы воспринять все по порядку. Я восхитился (ἀπεθαύμασα) твоим глубокомыслием (τὸ βαθυγνώμων) и темнотою слога (τὸ περὶ τὴν λεκτικὴν σκοτεινόν) – ибо сам я склоняюсь к большей ясности и полагаю, что мне присущ более чистый греческий слог (τὸ ἐλληνικώτερον) – [восхитился тем], каков ты, каким стилем (τὴν φράσιν) ты пишешь, взявшись за важный предмет, или же тому, что, согласно изречению, для истолкования твоих слов нужен глубоководный ныряльщик».

Иоанн выделяет в письме два аспекта – мысли и слова, но его «похвалу» нельзя назвать стандартной. Как правило, полученное письмо восхвалялось всерьез и наделялось неоспоримыми достоинствами, а комплимент Апокавка звучит двусмысленно и написан в явно ироническом тоне. С одной стороны, Иоанн «восхищается» письмом Николая, а «глубокомыслие» – это положительное качество, но с другой стороны, «темнота слога» для письма – не добродетель, а порок. Теоретики эпистолярного стиля в один голос утверждают, что письмо должно быть ясным и простым (Rademacher 1901. P. 231; Gallay 1964–1967. Ep. 51.4; Weichert 1910. 19. 15–20. 14.), и хвалить письмо за неясность и загадочность было не принято. Так, например, в письме Симеона Логофета некоему митрополиту, где он сетует на нарочитую неясность полученного послания, говорится, что если митрополит стремился к тому, чтобы не быть понятым, то он достиг своей цели, но зачем тогда вообще писать? (Dargrouzès 1960. II. Ep. 94). Себе же Иоанн, напротив, приписывает «ясность» и «более чистый греческий слог». Следует ли из этого, что Николай, чрезмерно усложняя свое письмо, уклонился в сторону варварства? В таком случае похвала обращается в насмешку. Иронический тон подчеркивается и аллюзией на широко известное изречение Сократа о Гераклите: «Что я понял – прекрасно; чего не понял, наверное, тоже; только, право, для такой книги нужно быть делосским ныряльщиком» (перевод М. Л. Гаспарова; изречение приводит Диоген Лаэртский: D. L. 2.22.). Отметим также, что «глубокомысленное» послание Николая с самого начала обозначается диминутивом πτυγμάτιον.

³ Букв. «сложенная бумажка с письмом».

Еще один пример оценки содержания и стиля письма – послание Апокавка к логариасту Иоанну Костомиру-Месопотамиту. Контекст письма не вполне понятен, но, судя по всему, логариаст писал митрополиту о соли, которая была переправлена в Навпакт для продажи, но по дороге из-за дождей испортилась и потому не стоила и ломаного гроша. Апокавк почти так и пишет: «соль, перевезенная в Навпакт, стоила столько, что кто-нибудь, разломав статир на две части, купил бы столько за одну из частей» – и признает за собой этот «тяжкий долг» (IA. 36. 30–34). Однако основная тема письма – это похвала полученного послания (Ibid. 2–21):

«Я и прежде хорошо знал, каков мой Месопотамит в софистическом изяществе и в изысканности слога, но [еще раз] мне это показало письмо... Мысли, по выражению поэта, шли в нем одна за другой, по частоте напоминая череду волн, когда “Евр, Нот, встречный Зефир и рожденный эфиром Борей катят большую волну” (Hom. Od. 5, 295–296) и вздымают волны одну за другой, но все они выбрасываются на один и тот же берег. Так и твое вздымающееся волнами слово изливало на меня – сушу, ибо я лишен словесной влаги – обильные волны мыслей. Эти волны были сладостными по причине их слога (λέξις) и стиля (φράσις), но при этом и солеными, ибо и в начале, и в конце письма говорилось о соли. Говоря словами апостола, все слово было “приправлено солью” (Кол. 4, 6) и оказывало вяжущее действие на наш словесный вкус, но сладкие приправы твоих мыслей и слов некоторым образом услаждали его и побуждали нас к вкушению слова. Так ты угощал нас этой словесной солью, которую я почитаю, ибо она с обеих сторон скрепляет дружбу и соединяет (ἀλιζοντας)⁴ друзей. Но смотри, как бы “соль не потеряла силу” (Мф. 5, 13), ибо время дождливое, соль тает и, – как гласит народная пословица, – груз соли вернется туда, откуда он вышел, то есть к матери морю. Ведь из морской воды создаются эти белоснежные громады, и в нее же они и расплавляются. Так-то письмо было и соленым, и сладким».

Итак, Иоанн использует уже упомянутые этикетные мотивы LEA, но эти стершиеся клише оживляются, оказавшись в совершенно нетривиальном контексте. Так, Иоанн отмечает в письме логариаста обилие «мыслей» (ἐνθυμήματα), но этот мотив сопровождается необычной метафорой: мысли сравниваются с частыми волнами на бурном море, набегающими на сушу, т. е. на иссохшую душу Иоанна. Этот образ поз-

⁴ Словесная игра, основанная на омонимии: есть два глагола ἀλιζω, один из которых означает «собирать», а другой – «солить».

воляет Апокавку перейти к основной теме письма, а именно, к тому, что полученное послание было пропитано солью. Далее Апокавк называет письмо «сладостным», но этот традиционный мотив развивается не сам по себе, а становится частью антитезы: послание Костомира одновременно и сладкое, и соленое. О соли говорится то в прямом, то в переносном значении: письмо Костомира – соленое и в том смысле, что в нем говорилось о соли, и в том смысле, что оно приправлено «словесной солью», «скрепляющей дружбу», т. е. солью в новозаветном значении, которая понималась как «благодать Духа, связующая» людей (например, в толковании на Евангелие от Марка Феофилакта Охридского: PG 123. 593. 30–31). При этом, цитаты из Писания, связанные с солью («смотри, как бы *соль не потеряла силу*» и т. д.) появляются именно в тех контекстах, где имеется в виду соль в буквальном смысле. Апокавк использует стилистический прием, который принято называть «буквализацией метафоры».

Похвала сладко-соленому письму Иоанна Костомира явно выходит за рамки этикетных формул, но мы все же можем указать несколько сходных примеров в письмах Михаила Хониата, старшего современника и корреспондента нашего автора. Так, в трех письмах Михаил сравнивает полученное послание с корицей, в которой «к сладкому примешано вяжущее» (*κεκραμένον ἔχει τὸ γλυκάζον τῷ στύφοντι* – Kolovou 2001. Ep. 3. 11–16; 28. 28–31; 152. 12–17), либо потому, что письмо оплакивало горестные события, либо потому, что оно уязвляло обидными словами. Напомним, что о «вяжущем действии» (*ἔστυφε*) пишет и Иоанн Апокавк. Однако наиболее явная параллель к письму Апокавка – послание Хониата Георгию Вардану. От Георгия пришли одно за другим два письма, но первое из них так пострадало от соленой воды, что бумагу невозможно было развернуть. Сожалея о том, что ему не прочесть письмо, «дивным образом запечатанное», Михаил пишет: «Мы держали в руках чашу и жаждали аттического напитка, но не могли испить его, потому что он был испорчен солью» (Kolovou 2001. Ep. 117. 8–11). И в письме Хониата, и в письме Апокавка стирается грань между буквальным и метафорическим: соль в буквальном смысле – либо соленая морская вода, либо соль, привезенная в Навпакт для продажи, – делает письмо, уже в переносном смысле, «соленным» на вкус. Вполне вероятно, что письмо Михаила Хониата напрямую повлияло на Апокавка – Георгий Вардан, адресат письма и ученик Хониата, был другом Иоанна и вполне мог поделиться с ним изящным посланием своего учителя.

Итак, в письме к Костомиру Апокавк развивает традиционные мотивы, хоть и по-новому их обыгрывает. В письмах к Никифору Гориниту и к Димитрию, епископу Бутротскому, полученное послание то-

же оценивается с точки зрения его содержания и слога. Оба письма, полученные Иоанном, представляются ему неоднородными по тону и внутренне противоречивыми: письмо Никифора содержало дружеский совет и в то же время осыпало несправедливыми обвинениями, а письмо Димитрия любезно приглашало в Бутрот и в то же время отговаривало от путешествия, устрояя пиратскими кораблями. Характеризуя оба послания, Апокавк, не прибегая к каким-либо этикетным клише, сравнивает их с различными животными, реальными и мифическими, чьи образы призваны подчеркнуть разнородность частей письма. Так, письмо Горианита напоминает ему пчелу и мифическую химеру, описанную в гомеровской Илиаде (Pétridès 1909. Ep. 10. 7–16):

«Не так давно пришло твое письмо: оно несло в себе доброе наставление, ибо исходило от друга, но было подобно пчеле, которая передними лапками лепит из воска “шестиугольные и противоположные [одна другой] ячейки”⁵ и вкладывает в них мед, а сзади ранит жалом и причиняет боль пораженному, или же, как сказано в Писании, спереди у нее – слава и благодать, а позади – “опустошенное поле” (Иоиль 2, 3). Если же сказать словами мифа, спереди [твое письмо] – это лев, ибо твое слово устрашает и словно рычит, сзади – дракон, словно хвостом опаляющий нас своим завершением, а в середине – коза, ибо середина письма была более кроткой и словно человеческой (Ил. 6. 181). Вот что о начале, середине и конце письма».

В письме к Димитрию приводится больше сравнений того же рода. Письмо начинается так (Βέη-Σεφερλή 1971–1974. P. 227. 5–12):

«Ты поступаешь примерно так, как если бы кто-то кого-то левой рукой привлекал, а правой отталкивал. Вот на какие мысли навело меня твое письмо, первая часть которого горячо привлекала и приглашала, а вторая – отталкивала и отпугивала. Как мифы произвольно творят человекоподобных зверей, так и твое письмо сверху обладало общительностью и кротостью человека – ибо так описывается человек, – а снизу (дабы мне точно следовать мифу) имело вид льва, то есть устрашало и словно свирепо рычало, что я не смогу до тебя добраться».

Далее Апокавк сравнивает письмо с сатиром, во всем подобном человеку, кроме ног, нижние части которых «покрыты волосами, разделены надвое, как у козлов, и облечены копытами», но это необычно-

⁵ Цитата из «Слова на неделю новую» Григория Назианзина: PG 36. 620. 13.

венный сатир: «Природа вооружила сатиров и рогами, но ты, в этом отношении производя еще более чудесные творения, чем она, отрастил эти [рога] на ногах твоего письменного сатира, [сделав их] оружием, отражающим, словно отпугивающим и вообще отвращающим нас от приближения к твоим краям». Подробно описав сатира, эпистолограф, увлекшись, рисует еще один образ: письмо напоминает ему обезьян, которые «тоже человекоподобны и звероноги, или, скорее, суть нечто еще более диковинное и страшное: одними и теми же [ногами] они и ходят, и гладят нас по голове, и, перебирая волосы, ищут в них вшей» (Βέη-Σεφερλή 1971–1974. Р. 227. 12–228. 25).

Конечно, зооморфные образы для полученного письма – отнюдь не новость, но послания в византийской традиции было принято сравнивать с певчими птицами – ласточкой и соловьем (Karlsson 1962. Р. 106–111). Укоряющее письмо могло приносить больше боли, чем жало пчелы, жало скорпиона и шипы ската (Koloou 2001. Ер. 3. 3–5), но уподобление самого письма пчеле необычно. Тем более оригинально сравнение письма с человеко-львом (имеется ли в виду сфинкс?), обезьяной, химерой или сатиром. Нам не удалось найти сколько-нибудь близкие параллели к этим двум письмам в пределах эпистолярного жанра. Вспоминается, скорее, знаменитый трактат Пселла «Об Ахилле Татии и Гелиодоре». Характеризуя сложную композицию романа «Эфиопика», Пселл тоже прибегает к зооморфному образу: «Само начало произведения напоминает свернувшихся змей, которые спрятали в кольцо голову и вытянули остальное тело. И в этой книге вступление к рассказу находится внутри, а середина становится как бы началом» (Duck 1986. Р. 92. 24–28; перевод Я. Н. Любарского: 2001. С. 362). Столь же необычные и выразительные сравнения подыскивает и Иоанн Апокавк, характеризуя полученные письма.

Трактовка даров

Подарки оцениваются в двенадцати письмах Апокавк: в восьми посланиях говорится о получении, а в четырех – об отправлении даров. Так, от Георгия Вардана, митрополита Керкиры, Иоанн получает в подарок кадилницу, вино и покрывало (Пападопуло-Керамевс 1906. Ер. 10); от Калоспита, митрополита Лариссы – жареную рыбу (IA. Ер. 78); от Иоанна, митрополита Иоаннины – сосуды под названием «зифофласкии» (IA. Ер. 92); от Димитрия, епископа Бутротского – воск и бумагу (IA. Ер. 65); от Георгия, епископа Химары – пшеничный хлеб (Pétridès 1909. Ер. 4); от Евстафия, епископа Ахелоя – морских рыб (Pétridès 1909. Ер. 13); от монаха Анфима – домашних птиц (Pétridès 1909. Ер. 3) и от неизвестного монаха – лисью шубу и вино (IA. Ер. 76). Сам Иоанн Апокавк

Феодору Комнину Дуке отправляет ткани (Pétridès 1909. Ер. 21); Калоспиту, митрополиту Лариссы – эпистикий и ткани (IA. Ер. 75); Михаилу Хониату, митрополиту Афинскому – засоленную рыбу икру (IA. Ер. 26) и Николаю, епископу Вонитцы – кожаное одеяние (IA. Ер. 73a). Обратимся к примерам и выясним, какие приемы Апокавк использует в этой ситуации.

В некоторых письмах отсылка или получение подарка сопровождается лишь кратким комментарием. Так, Иоанн отмечает, что Калоспит позаботился о нем и прислал «куски жареной рыбы», а если бы не было так жарко, то – деликатный намек? – угостил бы его и медом (IA. 78. 18–21). О сосудах, полученных от митрополита Иоаннины, Иоанн лишь отмечает, что «зифофлакий» ему не нужны, но все, что пришло от друга, – хорошо (IA. Ер. 92). Евстафию, епископу Ахелоя (IA. Ер. 13), Апокавк сообщает о получении огромных (*κητώδεις*) рыб, «преходящих морскими путями» (Пс. 8, 9), которых Аристотель называл «селахиями» (Arist. HA. 505a) – перед нами комбинация цитат из Писания и античной литературы, характерная для византийских интеллектуалов.

В других случаях подарок играет в письме более заметную, а подчас и центральную роль. Как правило, подарки становятся предметом символического истолкования. Символическая трактовка даров, как полученных, так и отправляемых, – хорошо разработанный прием византийского эпистолярного этикета. Дар обладал не только материальной ценностью (красивая чаша, вкусные плоды, удобная одежда), но обрел некий иной, символический смысл – «глубже того, что виден на поверхности» (Kolovou 2001. Ер. 120. 20). Отправляя подарок, его чаще всего интерпретировали либо как некое напутствие, пожелание, либо как комплимент: благоволия посылались и как дар человеку «с благоволенной душой» (Dargouzès 1960. VII. Ер. 18. 15–16), и как пожелание, чтобы в душе адресата «никогда не иссякало Божественное... благоволие» (Jenkins, Westerink 1973. Ер. 44. 13–16). Получив подарок, в нем можно было «разгадать» это напутствие – например, в свечах уразуметь побуждение к ночным трудам (Courtonne 1957–1966. Ер. 232. 1. 16–17) – или обратиться к комплименту отправителю – например, принять свечи как знак его «душевной чистоты» (Fatouros 1992. Ер. 93. 7). Обратимся к тому, как с этим приемом обращается Иоанн Апокавк.

Наиболее простой пример символического толкования подарка содержится в письме к Михаилу Хониату. Апокавк дарит митрополиту засоленную рыбу икру и рассуждает так: «и этот [дар], полагаю, не чужд созерцания и возвышенного [смысла]: икра сухая от солнца, ибо и ты иссушен умственным солнцем, Христом, [лишен] жизненных соков и не имеешь в себе ничего текущего или влажного» (IA. Ер. 26. 20–22).

Как и многие его предшественники, Апокавк соотносит полученный подарок с достоинствами его отправителя – о них он продолжает рассуждать и дальше, отмечая, что Михаил одновременно и «иссушен», и «влажен», как «древо зеленеющее», орошаемое «потом добродетелей» (Ibid. 23–28). Наиболее близкую параллель можно найти в одном из писем Феофилакта Охридского: отправляя в подарок сушеных рыб, автор пишет, что они «означают расположенность к добродетели», благодаря которой адресат лишил душу «всего, что там было влажного» и, «приправив ее солью, которую нам заповедано иметь в себе, истощил, засолил и сделал сухой и легковесной» (Gautier 1986. 105. 2–11). В обоих письмах засушенное и засоленное кушанье соотносится с суровостью аскезы адресата.

В письме к Феодору Комнину Дуке выстраивается более сложная конструкция. Когда в Великий Пост Иоанн болел, Феодор посетил его, а потом, когда уже настала Пасха, митрополит решил почтить правителя двумя «диплாரиями», т. е. кусками двухслойной ткани. Этот подарок автор разъясняет так: «Соединив оба повода, [твое] посещение и праздник, и удвоив возможное дружеское приветствие, я послал тебе два шелковых диплாரия, красный возведя к празднику, ибо [пасха] – царица праздников и ты наш царь, одеяние же царское и красное, желтый же – к болезни и посту, ибо мы становимся бледно-желтыми от поста и болезни» (Pétridès 1909. Ep. 21. 13–17).

Итак, символическое толкование дается и числу подарков, и их свойствам – цвету и качеству ткани. Всё, что присуще подарку, должно получить надлежащее разъяснение – примеры такого подхода мы встречаем и у других эпистолографов. Так, Михаил Пселл посылает Константину IX Дуке трех белых скаров (*scarus cretensis* – рыба из семейства рыб-попугаев): три – число таинственное и божественное; белизна означает чистоту адресата; «говорливость» рыбы – символ его изысканного красноречия (Papaioannou 2019. Ep. 81). При этом подразумевается, что скар умеет издавать звуки, втягивая ртом воду и с шумом ее выталкивая, о чем идет речь в другом сочинении Михаила Пселла (O'Meara 1989. P. 56. 22–24). И всё же, письмо нашего автора не вполне традиционно: его отличает то, что истолкование не концентрируется вокруг адресата – его достоинств или пожеланий к нему. Если красная ткань соотносится с царским достоинством, то желтая – с постом и болезнью автора. Мотив болезней – центральный в этом письме: недуг автора служит как оправданием того, что он не смог посетить адресата в Иоаннине (Pétridès 1909. Ep. 21. 2–9), так и аргументом против предложения Феодора, суть которого не вполне понятна (Ibid. 19–31). Так расхожий этикетный прием используется не в привычной функции – по-

дарок указывает на немощь автора, которую Иоанну так важно подчеркнуть.

Еще один пример столь же сложной «экзегезы» подарка – письмо Иоанна Апокавка к монаху Анфиму, приславшему четырех домашних птиц. Как следует из пространного заглавия письма, Анфим просил митрополита принять этих птиц, «как две лепты прославленной вдовы» (Pétridès 1909. Ep. 3. 1–4), и ответ Апокавка открывается заверением, что Анфим не уступает, а превосходит вдову: если она положила две лепты в сокровищницу (γαζοφυλάκιον), то Анфим прислал четырех птиц Иоанну в птичник (ὄρνιθοφυλάκιον). Далее начинается символическое толкование (Ibid. 11–22):

«Четыре – или из-за прочности и незыблемости дружбы, ибо и квадрат именуется прочным, или из-за четырех родовых добродетелей, которые украшают таких благочестивых, как ты. Ведь подобает, как я считаю, чтобы возвышенное отображалось с помощью ничтожного и земного. Птицы же – [вместе] и земные, и пернатые, ибо вы, их произрастители, бременем тела – земные, а добродетелями – пернатые и небесные: ваша пища – не эта погибшая [плоть], какую потребляем мы, “ядцы и винопийцы” (Мф. 11:19, Лк. 7:34), “как зелень травную” (Быт. 9:3), поедающие плоть несчастных животных. Как я полагаю, должно разделять плоть птиц и их покровы: перья – знак вашей возвышенности над земными [вещами], мясо же остается нам, ибо мы [почитаем] чрево как Бога (Флп. 3:19) и поклоняемся отвратительному пищеводу. Вот как нам угодно разделять мясо и перья птиц по отношению к твоей и нашей жизни».

Как и в предшествующем примере, Апокавк использует традиционный подход в не совсем традиционном ключе: присланные дары символизируют не только добродетели приславшего их монаха, но и ничтожность самого Иоанна. В качестве редкой параллели к этому случаю можно указать письмо Феодора Кизического Константину Багрянородному. Константин прислал Феодору рыбу и благовонную смолу, и, по мысли Феодора, благовония отображают медоточивые речи Константина, а рыба – его собственные «неблагозвучные и тусклые речи», ибо он, как и рыба, «извивается в илистой воде и, скитаясь вдалеке от лучей владыки, обделен его возвышенными мыслями» (Tziatzi-Paragianni 2012. Ep. B6. 19–25).

Впрочем, между письмами Феодора и Иоанна есть существенное различие: если послание Феодора учтиво и церемониально, то письмо Иоанна – образец дружеского юмора. Во-первых, обращает на себя

внимание гротескное сочетание низменных бытовых деталей и возвышенного смысла, который в них вкладывается: то, что лепты было две, а птиц – четыре, приводит к выводу, что «тот, кто под благодатью, превзошел подношением ту, кто под законом (ср. Рим. 6, 14), дабы мы имели преимущество пред теми, кто под законом, не только в праведности, но и в съедобных дарах» (Pétridès 1909. Ер. 3. 9–11), символом отрешенности монахов от всего земного становится такой обыденный предмет как куриные перья. Во-вторых, противопоставляя себя легкому, как перышко, Анфиму, Иоанн создает карикатурный образ чревоугодника, почитающего утробу и пищевод. Этот образ – вне сомнения, не исповедь кающегося грешника, а элемент литературной игры (Черноглазов 2020. С. 125–126).

В письме Георгию Вардану, в значительной мере посвященном полученным дарам (их упоминается целых четыре!), два тракуются символически. Комментарий к золотой кадилнице звучит вполне традиционно – она расценивается как «знак духовного благоволия» Георгия, а «разлитое по нему золото и его блеск – как символ сияния» его души (Пападопуло-Керамевс 1906. Ер. 10. 10–12). Куда более оригинален отзыв Апокавка о шерстяной постели (*ibid.* 23–31):

«Что же означает постель из шерсти, кроме как то, что ты возвеличиваешь меня и творишь из меня скинию Божию, а эту шерсть преподносишь для ее устройства? Но я не настолько легкомыслен, и меня не так легко увлечь твоими чарами, чтобы я не счел эту постель знаком своей приземленности – того, что я склонен долу и тяготею к ничтожному. Что ничтожнее шерсти? Что проще волоса? Однако и это для меня любезно и достойно поклонения, не потому что оно такое, а потому что оно твое, потому что оно от тебя».

Как мы уже отмечали, Апокавок пользуется таким приемом как отклонение похвалы, и здесь этот прием проецируется на символическую трактовку даров: по замыслу Георгия покрывало могло символизировать благочестие Иоанна, но Иоанн отвергает это толкование и предлагает другое, согласно которому покрывало есть знак его ничтожности. Однако было бы опрометчиво принимать это самоумаление за чистую монету: признание в собственной ничтожности – лишь формальный повод обратить внимание на ничтожность подарка. В конце приведенного пассажа критика звучит уже откровенно: автор рад любому подарку от адресата, пусть он даже и неказист. Так, Апокавок самобытным образом соединяет два хорошо известных мотива, отклонение похвалы и символическое толкование подарков, чтобы изящно указать Георгию на недостаток его подарка.

Помимо символической интерпретации, Апокавк использует и другой, столь же распространенный прием. Подарок оценивается не как символ чего-либо отвлеченного – добродетели, духовного напутствия и т. д., – а как предмет, обладающий самостоятельной ценностью и потому приносящий пользу или доставляющий удовольствие. Такой подход, широко представленный как в ранневизантийской традиции, так и в письмах IX–XII вв., обладает своей спецификой: если символическое толкование даров, как правило, становится поводом для возвышенного энкомия или серьезного наставления, то оценка их материальных качеств часто выливается в изящную игру и шутку. Так, отправляя съедобный подарок, можно было высмеять адресата за излишнее пристрастие к лакомствам. Например, Прокопий Газский считает, что адресат похвалит его дары, потому что он – «обжора», который, «чуть уловит что-нибудь вкусное, тотчас же выставляет свой язык, как какой-нибудь Аякс выставлял свой великий щит» (Garzya, Loenertz 1963. Ep. 141). А Феодор Дафнопат просит ненасытного друга не глотать присланную рыбу целиком, а тщательно пережевать ее, чтобы горестный плач рыбы не доносился из его чрева (Darrouzès, Westerink 1978. Ep. 25). Получив подарок от друга, было вполне уместно в шутливой манере критиковать или даже ругать его, и найти долю правды в таких характеристиках бывает порой непросто. Так, уже упоминавшийся Феодор Дафнопат укоряет друга за то, что он самую крупную и жирную рыбу оставил себе, а остальное «бросил желающим» (Ibid. Ep. 23), а Михаил Пселл просит корреспондента не слать ему только трюфеля – ведь и Зевс испытывал пресыщение к Гере – а «сменить ритм и мелодию» и прислать павлинов и молочных ягнят (Papaioannou 2019. Ep. 68). Авторы XII в., например, Евстафий Солунский, особенно часто концентрируются на материальных свойствах даров: мы находим в письмах их детальные риторические описания (Kolovou 2006. Ep. 3–5). В какой мере этим традициям следует Иоанн Апокавк?

В письме к неизвестному адресату митрополит восхищается вкусом присланного вина, но на деле его оценка обращается символическим толкованием: «Не то ли это вино, которым Учитель на Вечере причастил учеников, сказав им ‘Это кровь Моя?’», – спрашивает эпистолограф (IA. Ep. 76. 16–20), имея в виду, скорее, не изысканный аромат вина, а благочестие приславшего.

Иной характер носят два письма, в которых речь идет о тканях и одеждах, которые Апокавк отправляет своим друзьям. В письме к Калоспиту Иоанн не трактует ткань как символ добродетели, а точно указывает, что можно будет из нее сшить, – «одежду для ног, от бедер ниспадающую до лодыжек» и «чехол для гребня, который более утонченные

называют стленгистром (στλέγγιστρον), а неучи, такие как я – ктением (κτένιον)» (IA. Ер. 75. 7–14). Последняя ремарка привносит в деловой комментарий ноту столь характерной для Апокавка иронии. Еще больше деталей имеется в письме к Николаю, епископу Вонитцы: у Иоанна не было времени сшить одеяние из кожи, о котором просил Николай, и потому он шлет ему свое собственное – широкое и ниспадающее до пят, но Николай, конечно же, сузит его в поясе, сделав талию, «как у осы», а в плечах и в бедрах оставит широким. «Таков-то мой Николай и прежде, и сейчас, – заключает Иоанн, – не расплывшийся, не разросшийся вширь, но стянутый похвальным стяжением и в плоти, и в одежде, здешним житием располагая себя к надежде на жизнь вечную» (IA. Ер. 73а. 27–30). Это восхваление, разумеется, тоже иронично – не кроется ли в нем насмешка над щегольством Николая, излишне пекущегося о красоте платья?

Полученные подарки тоже оцениваются с точки зрения их пользы или вкуса. Так, в письме к Димитрию, епископу Бутротскому, Иоанн саркастически отмечает, что подарки ему весьмагодились – на бумаге можно будет описать печальные события, а воск поможет бодрствовать ночью, «ибо дня не хватает, чтобы оплакать несчастья» (IA. Ер. 65. 34–38). В нескольких письмах мы находим критику полученных даров, которая высказывается в различной модальности. В случае с покрывалом, как мы уже отмечали, эта критика выражена косвенно, в форме символического истолкования: ничтожность подарка – не что иное, как знак ничтожности получателя. В том же письме (Пападопуло-Керамевс 1906. Ер. 10) Иоанн критически высказывается еще о двух подарках – вине и, предположительно, дыне – но уже напрямую, исходя из их материальных свойств.

Прислав вино, Георгий, конечно, «поступил как мудрец», желая утешить Иоанна и исполняя слова Писания (Пс. 103, 15). Вино было сладкое и Иоанн был бы рад «отхлебнуть», но его желудок испорчен, и сладкое его бы еще больше расслабило (Пападопуло-Керамевс 1906. Ер. 10. 12–19) – по конкретности и практическому тону этот пассаж созвучен некоторым письмам Михаила Хониата, где он отзывается, например, о присланных каперсах, «противоядии от тяжелой пищи» (Kolovou 2001. Ер. 127. 10–15), или о широких пробковых сандалиях, благодаря которым ноги не будут страдать ни от холода, ни от узкой обуви (Ibid. Ер. 158. 69–73).

Отзыв о дынях (πέπωνες) тоже связан с медицинской тематикой, но не отличается ясностью. Сперва Апокавк приводит афоризм Гиппократа: «τοῦ δὲ ἱατρικῶτάτου Ἱπποκράτους ἀφοριστικῶς ἀποφαινομένου πέπωνα φαρμακεύειν καὶ κινεῖν μὴ ὤμα / ... [должно] вычищать и приводить в

движение переваренное (πέπονα), а не сырое (μὴ ὠμά)» (Нр. Aph. 1, 22), а затем отмечает: «ἡμεῖς δὲ σὲ τοὺς σταλέντας ὠμοὺς μαχαίρα κενήκαμεν πέπονας, εἴτουν φαγόντες τούτους ἐφθείραμεν / мы же присланные от тебя неспелые (ὠμοὺς) дыни (πέπονας) ножом подвигли, или же, съев, истребили», – «ведь Аристотель, как ты знаешь, и уничтожение назвал движением, [рассуждая] о движении» (Пападопуло-Керамевс 1906. Ер. 8. 19–23; Arist. Cat. 15a. 13). Что бы ни означал этот не вполне ясный пассаж, очевидно, что словесная игра Апокавка строится на разных значениях слов πέπων и ὠμός: цитаты из Гиппократ и Аристотеля позволяют эпистолографу «научно» показать, что своим подарком Георгий побудил его поступить вопреки предписанию древней медицины – съесть πέπονα ὠμά, тогда как Гиппократ якобы велит обратное – «приводить в движение» πέπονα μὴ ὠμά. Вообще, подобные игры с цитатами характерны для переписки ученых византийцев, но как реакция на присланные плоды комментариев Апокавка вполне оригинален.

Однако наиболее интересный пример критики полученных даров являет собой письмо к Георгию, епископу Химары. Георгий прислал Иоанну в подарок пшеничный хлеб разных сортов, и Иоанн ответил ему так (Pétridès 1909. Ер. 4. 2–22):

«Авраам, принимая святую Троицу, положил пред нею хлеб и мясо (Быт. 18, 6–8), и Мелхиседек угостил возвращавшегося с битвы Авраама хлебом и вином (Быт. 14, 18), и Маной, приветствуя ангела Божия, вынес пресные хлебы и мясо (Суд. 13, 19), и божественный Давид сердце человека и хлебом укрепляет, и вином радуется (Пс. 103, 15), и Господь, когда терпел искушение от диавола и отказывался обратить камни в хлебы, то сказал: “Не хлебом единым будет жить человек” (Мф. 4, 4). А ты меня, митрополита и, как ты пишешь, отца угостил одним лишь хлебом! Предлог, конечно, благовидный – за зиму скотина отошала, от нее остались кости, обтянутые кожей. Но Бог, некогда наставляя Ноя о пище, сказал: “Ешьте все, как зелень травную” (Быт. 9, 3). Мясо же – это и зайцы, и домашняя птица, и сушеное мясо, и все, что питает человека. И своего вина ты для нас настолько пожалел, что и вовсе не открыл крышку сосуда. Между тем, только Господь, когда делил трапезу с учениками, ел мясо и говорил, что не вкусит отныне от плода виноградного (Мф. 26, 29). Но мы-то ведь ядцы, винопийцы (Мф. 11:19, Лк. 7:34) и служители гортани! Если ты и сам ешь один простой хлеб, можешь осудить на это и меня, а если и мяса вкушаешь... Впрочем, я этими словами ни к чему тебя не побуждаю, а всего лишь упражняюсь в составлении ученых писем. Хотя и правда хорошо, что я за тобой не последовал... – если б я ел только хлеб и

пил воду, то я бы погиб и мой желудок бы наполнился червями. Ведь хлеб, если есть в избытке только его, ведет к их рождению».

Конечно, приведенное письмо – далеко не единственный пример шуточной критики подарков в ученой переписке византийских авторов: эпистолограф высказывает якобы недовольство подарками и намекает, а то и требует, чтобы друг присылал ему больше, лучше или разнообразнее. Как и некоторые его предшественники, Апокавк *expressis verbis* подчеркивает, что его упреки и требования – не всерьез, а ради забавы и литературной игры (Darrouzès, Westerink 1978. Ep. 23. 15–20; Leone 1972. 120. 8–9, 26). Однако написанное в целом в рамках традиции, особенно распространившейся в XI и XII вв., письмо Апокавка выделяется среди остальных подобных примеров. Его основная особенность – ярко выраженная антитеза между сниженно-бытовым содержанием письма и каскадом библейских цитат, призванных подтвердить одну-единственную простую идею: мне не довольно одного хлеба, пришли мяса и вина! Особенно показательны евангельские слова «Не хлебом единым будет жить человек». В контексте письма они обретают совершенно новое значение: «не хлебом единым, но и вином и мясом» – вот что подразумевает средневековый автор!

Проявилось здесь и характерное для Апокавка ироническое самоуменьшение, чуть ли не в каждом письме «клеймившего» себя то грешником, то неучем, то чревоугодником. При этом в самой этой нарочито сниженной самооценке заключается смелая литературная игра: слова *φάγοι καὶ οἰνοπόται* («ядцы и винопийцы»), которыми наш автор характеризует себя, в Евангелиях относятся к Спасителю (Мф. 11:19, Лк. 7:34). Фраза получается амбивалентной: с одной стороны, Иоанн «кается» в чревоугодии, а с другой – имплицитно называет себя подражателем Христа: он «ядца и винопийца», как и Спаситель, и потому Георгий должен прислать ему и вина, и мяса. Перед нами ярчайший пример средневекового гротеска, «готового обернуться профанацией и даже богохульством» (Каждан 1999. С. 191).

Заключение

В заключение следует отметить, что в рассмотренных ситуациях – получение письма, отправление и получение даров – Иоанн Апокавк пользуется широким спектром этикетных мотивов и клише. При этом предпочтение оказывается тем приемам, которые особенно распространились в эпистолярной практике XII в. Как и авторы Комниновской эпохи, Апокавк концентрируется на стиле и содержании полученного письма, а мотив «письмо как образ души», общее место эписто-

лярного этикета, в XII столетии отошедшее на периферию, Апокавк почти вовсе игнорирует. Как Евстафий Солунский, Михаил Италик и Михаил Хониат, Апокавк насыщает свои письма бытовыми конкретными деталями, что отчетливо проявляется в трактовке подарков.

Среди известных нам византийских писем мы нашли немало параллелей к посланиям Апокавка – например, в письмах Феодора Студита, Михаила Пселла, Феофилакта Охридского, Феодора Кизического и др. – но почти не обнаружили текстов, которые непосредственно могли послужить для него образцами. Редкий пример прямого влияния представляет собой письмо Михаила Хониата Георгию Вардану: Иоанн воспринимает у Михаила идею письма, пропитанного солью, но развивает ее совершенно по-своему.

Хоть и написанные по всем правилам эпистолярного этикета, письма Иоанна Апокавка весьма своеобразны. Упомянутое письмо к Вардану, где послание друга характеризуется как сладкое и соленое, показывает, как Иоанн оживляет расхожие этикетные мотивы и застывшие клише. В письме к монаху Анфиму, где говорится о четырех присланных птицах, распространенный литературный прием доводится до утрированной, почти пародийной формы. Особенно оригинальны те случаи, где Апокавк сравнивает письмо с животными и мифическими существами. Письмо одушевляется и становится похожим на пчелу, химеру, сатира и обезьяну. Этикетная характеристика полученного письма превращается в серию выразительных и зловещих образов.

В письмах Апокавка традиционные мотивы и формулы становятся поводом для непринужденной литературной игры и дружеского юмора. Иоанну особенно свойственна ирония, выражающаяся и в притворном самоуничижении, и в мнимом восхвалении адресата, которое на деле обращается критикой или насмешкой. Так, получая съедобные подарки, Иоанн изображает себя чревоугодником и пьяницей и разыгрывает возмущение скудостью подарка, а неясное «письмецо» друга «восхваляет» за темноту слога, признавая при этом, что сам он, по старческой слабости ума, не способен достичь глубин его мысли. Шутки Апокавка нередко основаны на цитатах из античных авторов – Гиппократ, Аристотеля, Диогена Лаэртского и других – и из Писания. Эти цитаты переносятся в совершенно новый, сниженно-бытовой контекст, что приводит к эффекту гротеска, характерному для византийского юмора.

Мы постарались показать, что Иоанн Апокавк проявил себя как самобытный автор, по-новому трактовавший общие места эпистолярной риторики. Как эта самобытность проявляется в иных эпистолярных ситуациях, например, в рекомендательном письме или в письме,

укоряющем за долгое молчание? Можно ли в письмах Апокавка найти больше параллелей с письмами Михаила Хониата, а также, возможно, и с письмами иных его старших современников? Каков круг цитируемых Апокавком античных и ранневизантийских авторов, и каковы функции цитат в его письмах? Таковы, на наш взгляд, должны быть дальнейшие шаги в изучении писем этого недооцененного и малоизученного византийского литератора.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Васильевский В. Г.* Epirotica saeculi XIII: из переписки Иоанна Навпактского // Византийский временник. 1896. Т. 3. С. 241–299. [*Vasilievskij V. G.* Epirotica saeculi XIII: iz perepiski Ioanna Navpaktskogo (Epirotica saeculi XIII: from the Correspondence of John of Naupactus) // *Vizantijskij Vremennik*. 1896. T. 3. S. 241–299.]
- Каждан А. П.* Смеялись ли византийцы (Homo Byzantinus ludens) // Другие средние века. К 75-летию А. Я. Гуревича / Сост. И. В. Дубровский, С. В. Оболенская, М. Ю. Парамонова. М., СПб.: Университетская книга, 1999. С. 185–197. [*Kazhdan A. P.* Smeialis' li vizantiitsy (Homo Byzantinus ludens) (Bid the Byzantines laugh (Homo Byzantinus ludens)) // *Drugie srednie veka. K 75-letiiu A. Ya. Gurevicha* / Ed. I. V. Dubrovskiy, S. V. Obolenskaya, M. Yu. Paramonova. Moscow, St-Petersburg: Universitetskaia kniga, 1999. S. 185–197.]
- Каждан А. П.* История византийской литературы (650–850 гг.) / Пер. с англ. под ред. Я. Н. Любарского, Е. И. Ванеевой. СПб.: Алетея, 2002. [*Kazhdan A. P.* Istoriia vizantiiskoi literatury (650–850 gg.) (A History of Byzantine Literature (650–850)) / Per. s angl. pod red. Ya. N. Lyubarskogo, Ye. I. Vaneyevoy. St-Petersburg: Aleteiya, 2002.]
- Любарский Я. Н.* Михаил Пселл. Личность и творчество // Две книги о Михаиле Пселле. СПб.: Алетея, 2001. С. 183–542. [*Lyubarskii Ya. N.* Mikhail Psell. Lichnost' i tvorchestvo (Michael Psellos. Personality and Work) // *Dve knigi o Mikhaile Pselle*. St-Petersburg: Aleteiya, 2001. S. 183–542.]
- Пападопуло-Керамевс А. И.* Керкурайка. Ἰωάννης Ἀπόκαυκος καὶ Γεώργιος Βαρδάνης // Византийский временник. 1906. Т. 13. С. 335–351. [*Papadopoulos-Kerameus A. I.* Kerkiraika: Ioannis Apokavkos ke Georgios Vardanis (John Apokaukos and George Bardanes) // *Vizantijskij vremennik*. 1906. T. 13. S. 335–351.]
- Черноглазов Д. А.* Laus epistulae acceptae: об эволюции византийского эпистолярного комплимента // Византийский временник. 2010. Т. 69 (94). С. 174–186. [*Chernoglazov D. A.* Laus epistulae acceptae: ob evoliutsii vizantiiskogo epistoliarnogo komplimenta (Laus epistulae acceptae: Some Notes on the Development of the Byzantine Epistolary Compliment) // *Vizantijskij vremennik*. 2010. T. 69 (94). S. 174–186.]
- Черноглазов Д. А.* «Образ души» ученого митрополита XIII в.: замечания о письмах Иоанна Апокавка // Античная древность и средние века.

2020. Т. 48. С. 117–135. [*Chernoglazov D. A. “Obraz dushi” uchenogo mitropolita XIII v.: zamechanija o pis'makh Ioanna Apokavka (“Image of the Soul” of a Learned Metropolitan in the 13th Century: Some Notes on John Apokaukos’ Epistles) // Antichnaya drevnost’ i srednie veka. 2020. Т. 48. S. 117–135.]*
- Черноглазов Д. А. Максим Исповедник как эпистолограф: жанровый этикет в письмах византийского богослова VII в. // Античная древность и средние века. 2022. Т. 50. С. 205–223. [Chernoglazov D. A. Maksim Isповедnik kak epistolograf: zhanroviy etiket v pis'makh vizantiiskogo bogoslova VII v. (Maximos the Confessor as a Letter Writer: Genre Etiquette in the Letters of the 7th-century Byzantine Theologian) // Antichnaya drevnost’ i srednie veka. 2022. Т. 50. S. 205–223.]*
- Garzya A., Loenertz R.-J. Procopii Gazaei epistolae et declamationes. Ettal: Buch-Kunstverlag, 1963.*
- Azéma Y. Théodoret de Cyr. Correspondance, I. Paris: Éditions du Cerf, 1955.*
- Courtonne Y. Saint Basile. Lettres. Vol. 1–3. Paris: Les Belles Lettres, 1957–1966.*
- Darrouzès J. Épistoliers byzantins du Xe siècle. Paris: Institut Français d’Études Byzantines, 1960.*
- Darrouzès J., Westerink L. G. Théodore Daphnopatès. Correspondance. Paris: Centre National de la Recherche Scientifique, 1978.*
- Dyck A. R. Michael Psellus: The Essays on Euripides and George of Pisidia and on Heliodoros and Achilles Tatius. Wien: Österreichische Akademie der Wissenschaften, 1986.*
- Fatouros G. Theodori Studitae Epistulae. Berlin: Walter de Gruyter, 1992.*
- Gallay P. Saint Grégoire de Nazianze. Lettres, 2 vols., Paris: Les Belles Lettres, 1964–1967.*
- Gautier P. Michel Italikos. Lettres et Discours. Paris: Institut Français d’Études Byzantines, 1972.*
- Gautier P. Theophylacte d’Achrída. Lettres. Thessalonica: Association for Byzantine Research, 1986.*
- Hunger H. Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner. Bd. 1. München: C. H. Beck, 1978.*
- IA – *Bees N. A. Unedierte Schriftstücke aus der Kanzlei des Johannes Apokaukos des Metropoliten von Naupaktos (in Aetolien) // Byzantinisch-neugriechische Jahrbücher. 1971–1974. Т. 21. S. 57–160.*
- Jeffreys E., Jeffreys M. Iacobi Monachi Epistulae. Turnhout: Brepols, 2009.*
- Jenkins R. J. H., Westerink L. G. Nicholas I, Patriarch of Constantinople, Letters. Washington, D.C.: Dumbarton Oaks, 1973.*
- Karlsson G. Idéologie et cérémonial dans l’épistolographie byzantine. Uppsala: Almqvist et Wiksell, 1962.*
- Karpozilos A. The Letters of Ioannes Mauropous Metropolitan of Euchaita. Thessalonica: Association for Byzantine Research, 1990.*

- Kolovou F.* Die Briefe des Eustathios von Thessalonike. München; Leipzig: K. G. Saur, 2006.
- Kolovou F.* Michaelis Choniatae Epistulae. Berlin: Walter de Gruyter, 2001.
- Λαμπρόπουλος Κ.* Ιωάννης Απόκαυκος. Συμβολή στην έρευνα του βίου και του συγγραφικού έργου του. Αθήνα: Ιστορικές Εκδόσεις Στ. Δ. Βασιλόπουλος, 1988. [*Lampropoulos K.* Ioannis Apokaukos. Simvuli stin erevna tu viu ke tu singrafiku ergu tu (John Apokaukos: Contribution to the research of his life and work). Athina: Istoriges Ekdosis St. D. Vasilopulos, 1988.]
- Leone P. L. M.* Ioannis Tzetzae epistulae. Leipzig: Teubner, 1972.
- Magdalino P.* The Literary Perception of Everyday Life in Byzantium, Some General Considerations and the Case of Apokaukos // *Byzantinoslavica*. 1987. T. 47/1. P. 28–38.
- O'Meara D. J.* Michaelis Pselli philosophica minora. Leipzig: Teubner, 1989. Vol. 2.
- Papaioannou S.* Michael Psellus, Epistulae. Berlin; Boston: Walter de Gruyter, 2019.
- Pétridès S.* Jean Apokaukos, Lettres et autres documents inédits // Известия Русского археологического института в Константинополе [*Izvestiia Russkogo arkheologicheskogo instituta v Konstantinopole*]. 1909. T. 14. P. 72–100.
- Radermacher L.* Demetrii Phalerei qui dicitur de elocutione libellus, Leipzig: Teubner, 1901.
- Tziatzi-Papagianni M.* Theodori metropolitae Cyzici epistulae, accedunt epistulae mutuae Constantini Porphyrogeniti. Berlin: Walter de Gruyter, 2012.
- Weichert V.* Demetrii et Libanii qui feruntur Τύποι έπιστολικοί et έπιστολιμαίοι χαρακτήρες. Leipzig: Teubner, 1910.
- Wellnhofer M.* Johannes Apokaukos, Metropolit von Naupaktos in Aetolien (c. 1155–1233), sein Leben und seine Stellung in Despotat von Epirus. Diss. München: Freising, 1913.
- Βέη-Σεφερλή Ε.* Προσθήκες-Παρατηρήσεις στα Αποκαυκιανά Κατάλοιπα Ν. Βέη [*Vei-Sepherli E.* Prosthikes-Paratirisis sta Apokavkiana Katalipa N. Vei] // *Byzantinisch-neugriechische Jahrbücher*. 1971–1974. T. 21. S. 161–243.

Информация об авторе

ДМИТРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ЧЕРНОГЛАЗОВ
доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник Со-
циологического института РАН
Федерального научно-исследова-
тельского социологического цен-
тра РАН

Российская Федерация, 190005,
г. Санкт-Петербург, ул. 7-я Крас-
ноармейская, д. 25/14
e-mail: d_chernoglazov@mail.ru

Information about the author

DMITRII A. CHERNOGLAZOV
Dr. Sc. (Philology), Leading Re-
search Fellow, Sociological Insti-
tute, Federal Center of Theoretical
and Applied Sociology at the Rus-
sian Academy of Sciences

Russian Federation, 190005,
Saint-Petersburg, 7-ya Kras-
noarmeyskaya str., 25/14
e-mail: d_chernoglazov@mail.ru